

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕВОЧКА, КОТОРАЯ ВЫЖИЛА

Повесть 7

СКРИПКА В ВЕРБЛЮЖЬЕМ ПЛЕДЕ

Рассказы

Безумие 293

Зеленый источник 312

Скрипка в верблюжьем пледе 321

Слепая и Немой 336

ДЕВОЧКА,
КОТОРАЯ ВЫЖИЛА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

«Привет»

Елисей Карпин ненавидел эту манеру писать в ватсап. У Елисея в руках дымилась кастрюля с разведенным водою молоком. На Елисея был красный фартук с надписью *Dear Santa, I can explain**. Перед Елисеем в мойке стоял дуршлаг, куда следовало немедленно откинуть сваренный в молоке узбекский рис «лазер». А рядом на столе лежал телефон, и в нем сообщение от бывшей жены — «Привет».

— Какой, к черту, «привет»! Какого хрена надо писать «привет», а не изложить сразу! Какого хрена я должен...

— Милый, ты сейчас с айфоном разговариваешь, — хихикнула за спиной Оксана. — У него ушек нет, он тебя не слышит.

* Дорогой Санта, я могу все объяснить (англ.).

— Он, между прочим, слышит меня четырнадцатью разными способами, даже когда выключен.

Елисей откинул рис и все еще с кастрюлей в руках обернулся посмотреть на Оксану сквозь пар. Оксана сидела с ногами в кресле. Ее позу следовало, видимо, описывать словами «уютно устроилась». На ней была короткая джинсовая юбка, чтобы наблюдались идеально эпилированные ноги. Короткий белый топ, чтобы манифестировался тренированный живот и просвечивали твердые соски, которые, видимо, следовало описывать словами «темные, как вишни». Только вот эта поза... лучший способ показать, какие у тебя толстые щиколотки, подумал Елисей и перевел взгляд с Оксаниных ног на лицо.

Лицо было хорошее. Глаза были зеленые. Зубы были белые. Светлые волосы были убраны в пучок на затылке, чтобы демонстрировать шею, проходящую под грифом «лебяжья». Чем ты, идиот, недоволен? Красивая женщина. Елисей повернулся к столу и ответил бывшей жене в ватсапе: «Привет».

Эта Оксана, которая теперь сверлила Елисею спину глазами, рассчитанными на термин «лучистые», была довольно важным менеджером в большой фармакологической компании. У Елисея с этой компанией был миллионный контракт. Елисей, вернее, сотрудники принадлежавшего ему маленького агентства создавали пациентские сообщества, чтобы те требовали лечения именно препаратом *N*. Затевали в медицинских чатах споры

о преимуществах препарата *N* компании *X* над аналогичным *M* компании *Y*. Устраивали в журнале «Вадемекум» публикации о клинических исследованиях препарата *N*, как действительно имевших место, так и выдуманных. Возили медицинских чиновников на конференции о препарате *N*, происходившие по большей части на Мальдивах. Запустили даже на одном исламском сайте, довольно фундаменталистском, дискуссию о том, почему препарат *N* халяльный, а препарат *M* — нет. Одним словом — продвигали.

Когда Елисей развелся, четыре года потратив на выяснение отношений и сохранение дружеских уз с бывшей женой и, главное, с дочерью, старинный товарищ, а с недавних пор и его кардиолог, профессор Хитаров велел не грустить: «Жахай менеджмент фармкомпаний, Елёся. Их специально набирают, чтобы моим пациентам было кого жахать для кардионагрузки». Разговор происходил после сердечного приступа, которым увенчался развод, убедив Елисея и его бывшую прекратить разборки и просто остаться друзьями. А профессор прописал Елисею бетаблокаторы, статины, спортивные тренировки не менее четырех раз в неделю и — здоровый секс: «Уж как хочешь выкручивайся, но минимум каждый уикенд».

И Елисей действительно принялся искать себе сексуальных партнерш среди менеджмента фармкомпаний. Это было легко. У него был один-единственный прием соблазнения, но безотказный. Он

приглашал женщину ужинать или даже (совсем, казалось бы, безобидно) обедать и посреди ни к чему не обязывающей болтовни вдруг серьезно спрашивал: «Можно я вас поцелую?» Женщины часто отвечали «да», и это значило, что секс будет прямо сегодня. Или «нет», и это значило, что за пару дней она себя накрутит и всерьез влюбится. Или — в редких случаях — женщина смеялась, шутила что-нибудь на тему «жених сыскался ей, корольевич Елисей», и это означало провал — в данный момент объект Елисеевых ухаживаний люто влюблен в какого-нибудь подонка.

«Можешь говорить?» — пришло в ватсап сообщение от бывшей жены.

«Что случилось?» — ответил Елисей.

Он вытащил из духовки предварительно выскобленную и разогретую небольшую тыкву, сложил в нее обжаренное с луком, зирой, мускатным орехом, копченой паприкой, куркумой и курагой куриное мясо. Сверху, потряхивая шумовкой, напорошил толстый слой отваренного, но не до готовности, риса, написал на нем настоем шафрана букву «О» — Оксана. И вдвинул тыкву в духовку, чтобы минут через сорок содержимое ее превратилось в ханский плов.

Ханский плов был его праздничным блюдом. Оксана, с которой они ужинали уже пару раз, целовались за столиком в ресторане и прогуливались под ручку по Патриаршим, позвонила сегодня и переназначила свидание.

— Давай встречаться не в «Ля Маре», а у меня. Хочу домашний ужин. Приготовишь что-нибудь удивительное?

Про гастрономические способности Елисея в фармакологическом мире ходили легенды. Пока Елисей не развелся, половина медицинской Москвы побывала у него на даче на большом плове. Теперь дача принадлежала бывшей жене. Елисей туда почти никогда не ездил. Для себя ничего вычурного не готовил. Поэтому удивить Оксану гастрономически согласился.

Зашел в супермаркет, купил две бутылки «Пуийи-Фюме» и презервативов. Молоденькая кассирша посмотрела на него с пониманием. Потом завернул на базар. Торговец Зарух Сайфиддинович Б., имя которого Елисей знал, потому что расплачивался всегда через мобильное приложение, вышел из-за прилавка, вскинул приветственно руки, выразил восторг от того, что их скромную лавку посетил Елисей-акя. После поклона и рукопожатия, сочетание которых почти складывалось в целование рук, выбрал для Елисея-акя лучшую пачку риса из дюжины одинаковых, отгрузил лучших специй в пластиковую ванночку, принес — нет-нет, не с витрины, а со склада, свежайших — помидоров, огурцов, белого лука, желтой моркови, серую небольшую тыкву...

— А помидоры, акя, только понюхайте, это не помидоры, это мамидоры!

Елисей слушал Заруха, не спрашивал цен, наслаждался звенящим полутрансом, в который его неиз-

менно погружала болтовня хороших торговцев, — и понимал, что тянет время. Что ему нравилось ухаживать за Оксаной, но не нравится перспектива взять ее. Ему не хотелось этих женщин из фармкомпаний. Ему вообще не хотелось женщин. В двадцать лет хотелось всех, а теперь, в пятьдесят, — никого. Он ухаживал за ними и ждал — особенного поворота головы, особенного узора сосудов на запястье, особенно чувственного вздоха, чтобы вспыхнуть ненадолго и успеть достойно провести соитие, пока интерес не пропал. А когда интерес пропадал, ему бывало жалко их и стыдно перед ними, потому что они ожидали любви, счастья, замужества, и даже те, что болтали про секс без обязательств, ожидали хотя бы восхищения. А он не испытывал ни любви, ни восхищения. Он просто не хотел становиться стариком, которому больше не нужен секс.

Зарух торжественно объявил внушительную скидку для уважаемого Елисея-акя. Елисей перевел сумму, которая даже после скидки осталась несусветной. Со своей стороны, Зарух еще набросал в пакет имбиря и лимонов, заговорщически улыбаясь и шепча:

— Это, акя, узбекская виагра! Узбекская ви-аг-ра!

— Ну, разве что, — буркнул Елисей, признавшись себе, что больше тянуть время невозможно.

Повернулся и зашагал к машине, предоставив Заруху тащить пакеты и бормотать, что ни в коем, ни в коем случае не следует мужчине добавлять в отвар силы ни мелиссу, ни мяту, ибо эти травы — для женщин. Оксана встретила Елисея в дверях

своей дизайнерской, то есть довольно неуютной квартиры в Трехпрудном. Елисей поцеловал ее в шею. Она, умница, застонала тихонько и подалась вперед. Он успокоился в том смысле, что знает теперь, где у нее кнопка, как добиться от Оксаны стоны, способного впечатлить его. И принялся готовить праздничный плов, стараясь поменьше смотреть на столбики Оксаниных щиколоток и побольше думать про то, как Оксана, если поцеловать ее в шею, стонет.

«У Аглика беда» —брякнуло сообщение в ватсапе. И все вышесказанное перестало иметь значение. Елисей схватил телефон, три раза ткнул пальцем в номер бывшей жены, пока не начался наконец набор номера, и стал ждать бесконечно, бесконечно не наступающего соединения. Аглик — это была его дочь Аглая. Он никогда не звал ее Агликом, звал Аглаей или Глашей. Бывшая жена не знала английского и не слышала, как созвучно прозвище Аглик слову *ugly**. Но это сейчас все равно.

— Алло! Что с Глашей?

— Не беспокойся, что ты. С ней, собственно...

— Говори! — проревел он в трубку.

— Нара погибла.

Он помолчал секунд двадцать, соображая, кто это Нара и какое отношение ее гибель может иметь к Аглае. Потом вспомнил.

— Где Глаша?

* Некрасивый, неприятный (англ.).